

УДК 347

Колоколов Алексей Владимирович, к.ю.н. доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Левицкий Дмитрий Максимович, магистрант, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ АВТОНОМНЫХ РОБОТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ

Аннотация

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и автономных роботизированных систем постепенно ставит перед юридической наукой вопрос о возможном изменении традиционных представлений о субъекте права. В этой связи в статье автором предпринимается попытка осмыслить, может ли робот рассматриваться как самостоятельный участник правоотношений или его правовой статус должен ограничиваться рамками объекта права. Кроме того, автором рассматриваются и анализируются различные доктринальные подходы к проблеме правосубъектности роботов, включая позиции российских исследователей и международные правовые инициативы. Отдельное внимание уделяется анализу действующего российского законодательства и зарубежных нормативных актов, регулирующих использование технологий искусственного интеллекта. В результате обосновывается вывод о том, что в современной правовой системе автономные роботизированные системы не обладают полноценной правосубъектностью, а пределы ее возможного юридического признания носят ограниченный и функциональный характер.

Annotation

The rapid development of artificial intelligence and autonomous robotic technologies increasingly challenges traditional legal concepts, particularly the understanding of legal personality. This article explores whether autonomous robotic systems can be treated as independent participants in legal relations or should remain within the legal category of objects of law. The study discusses different doctrinal perspectives on the possible legal status of robots, including the views of Russian legal scholars and international regulatory initiatives. Special attention is given to the analysis of current Russian legislation and foreign legal acts governing artificial intelligence technologies. The article argues that, under existing legal frameworks, autonomous robotic systems cannot be considered full legal subjects. Any potential recognition of their legal personality is likely to remain limited and functional rather than equivalent to that of natural or legal persons.

Ключевые слова: правосубъектность, автономные роботизированные системы, искусственный интеллект, субъект права, цифровые технологии, электронное лицо.

Keywords: legal personality, autonomous robotic systems, artificial intelligence, subject of law, digital technologies, electronic person.

Развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта и автономных роботизированных систем постепенно ставит перед правовой наукой вопросы, которые еще сравнительно недавно воспринимались скорее, как теоретические. В настоящее же время такие системы способны принимать решения без непосредственного участия человека, взаимодействовать с окружающей средой и выполнять действия, имеющие юридически значимые последствия. В этой связи в научной литературе, в том числе и правовой, все чаще поднимается вопрос о возможной правосубъектности автономных роботизированных систем и допустимых пределах ее признания в праве. На наш взгляд, обусловлено это тем, что с одной стороны, традиционная модель правосубъектности предполагает наличие человека или организации как носителя прав и обязанностей, однако с другой – развитие технологий постепенно заставляет

пересматривать устоявшиеся правовые конструкции. Поэтому анализ теоретических моделей правосубъектности автономных систем и определение границ их юридического признания представляется актуальной задачей современной юридической науки.

Итак, начнем с того, что динамичное развитие цифровых технологий вызвало к жизни правомерный вопрос, можно ли говорить о правосубъектности роботов, и если да, то в каком разрезе. Каковы особенности такой правосубъектности и каким образом она может быть определена и охарактеризована? Вопрос о том, объектом правоотношения или субъектом права выступает робот, имеет дискуссионную природу.

Среди исследователей есть те, кто считает, что правосубъектность роботов не может иметь место в правовой науке – это, например, позиция Г.А. Гаджиева, который говорит о том, что робот должен считаться «новым объектом права» [4, с. 31]. При этом в своей работе авторитетный ученый делает оговорку, что в перспективе наделение робота правосубъектностью может иметь место, однако этому должен способствовать выход цифровых технологий на качественно новый уровень.

Однако, как совершенно верно замечает И.Р. Бегишев, «тенденция к высокой степени автономии роботов стала причиной появления среди правоведов альтернативной позиции, основанной на возможности приобретения роботом субъективных прав и юридических обязанностей» [3, с. 10]. Указанная позиция нашла отражение в Проекте Международной модельной конвенции о робототехнике, авторами которой выступают А.В. Незнамов и В.Б. Наумов. Согласно указанному проекту, роботы имеют все признаки субъектов права и могут самостоятельно вступать в правоотношения. Авторы предлагают также признать, что робот-агент обладает «обособленным имуществом, отвечает по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности» [2, с. 49].

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что вопрос правосубъектности роботов рассматривался и на международном уровне. Так, 16

июля 2017 года Европейским парламентом была принята резолюция «Гражданско-правовые нормы о робототехнике» [7], в которой нормативном уровне сделана первая комплексная попытка решения ряда важных доктринальных вопросов в рамках теории субъекта права применительно к развитию робототехники. Как отмечает В.И. Павлов, в данной Резолюции «предлагается наделить «умного автономного робота» правосубъектностью в рамках новой модели субъекта права – электронного лица (англ. *electronic person*), признав его также и субъектом юридической ответственности (подп. f п. 59)» [5, с. 76]. Кроме того, В.И. Павлов также отмечает, что «умные роботы рассматриваются в Резолюции не как правовые средства, помощники людей, выполняющие сервисные функции, а как особые лица в праве, приобретающие ввиду своих технологических возможностей определенные свойства агентности, поскольку они могут взаимодействовать со своей средой и вносить в нее значительные изменения» [5, с. 77].

Однако если обратиться к действующей системе российского права, то можно заметить, что она по-прежнему исходит из классической модели правосубъектности, в рамках которой субъектами права признаются только физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. Ни в Гражданском кодексе Российской Федерации, ни в иных нормативных актах не предусмотрено возможности признания роботизированных систем самостоятельными участниками правоотношений. Более того, необходимо отметить, что логика действующего законодательства предполагает, что любые технологические устройства, включая автономные системы и программные алгоритмы, рассматриваются прежде всего как объекты гражданских прав либо как технические средства, используемые человеком или организацией. Это означает, что юридическая ответственность за действия таких систем возлагается не на саму технологию, а на ее разработчика, владельца, оператора или иное лицо, которое осуществляет контроль над ее использованием.

Таким образом, на современном этапе развития российского права робот не может быть признан самостоятельным субъектом права и, соответственно, не

обладает правосубъектностью в традиционном юридическом смысле. Даже при наличии определенной степени автономности роботизированные системы продолжают рассматриваться как инструменты реализации воли человека, а не как носители собственной юридической воли. Вместе с тем развитие технологий искусственного интеллекта постепенно усложняет существующие правовые конструкции и стимулирует научную дискуссию о возможности появления новых моделей правосубъектности в будущем. Пока же, исходя из действующей правовой доктрины и нормативного регулирования, более обоснованной представляется позиция, согласно которой робот следует рассматривать как особый объект права, использование которого может порождать юридические последствия для людей и организаций, участвующих в его создании и эксплуатации.

Вместе с тем сам факт отсутствия у роботов правосубъектности в действующем российском праве не означает, что вопрос о пределах ее возможного юридического признания полностью лишен практического значения. Скорее речь идет о поиске тех границ, в рамках которых автономные роботизированные системы могли бы получить определенный, ограниченный правовой статус, не подрывая при этом базовых принципов правовой системы. Российское законодательство пока придерживается достаточно осторожного подхода. Например, в федеральном законе от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [1] допускается использование автономных цифровых решений и алгоритмов в рамках специальных правовых режимов, однако они рассматриваются исключительно как технологические инструменты, а не как самостоятельные участники правоотношений. Аналогичная логика прослеживается и в нормах Гражданского кодекса РФ, где субъектами права по-прежнему признаются только лица, обладающие правоспособностью и дееспособностью, тогда как технические системы могут выступать лишь объектами гражданских прав или средствами исполнения обязательств.

В зарубежной правовой практике также прослеживается стремление определить пределы возможного юридического признания автономных систем, не наделяя их полноценной правосубъектностью. Так, в уже упомянутой Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 года о гражданско-правовых нормах робототехники была предложена концепция «электронного лица», однако данная идея носит скорее дискуссионный характер и до настоящего времени не получила закрепления в обязательных нормативных актах Европейского союза. Более современным примером является Регламент ЕС 2024/1689 «Artificial Intelligence Act» [6], в котором системы искусственного интеллекта регулируются исключительно как технологические продукты с определенным уровнем риска, а ответственность за их функционирование возлагается на разработчиков, поставщиков и пользователей таких систем. Таким образом, даже в зарубежных правовых системах пока доминирует подход, при котором автономные роботизированные системы не признаются самостоятельными субъектами права, а их правовое регулирование строится вокруг распределения ответственности между людьми и организациями, участвующими в их создании и эксплуатации.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что пределы юридического признания правосубъектности автономных роботизированных систем в обозримой перспективе будут носить скорее функциональный, чем полноценный субъектный характер. Речь может идти, например, о введении специальных правовых режимов ответственности, о признании за автономными системами статуса особых технических агентов в гражданском обороте или о создании механизмов имущественного обеспечения рисков, связанных с их деятельностью. Однако полное признание роботов самостоятельными субъектами права представляется маловероятным без фундаментального пересмотра традиционных представлений о правосубъектности, поскольку современное право по-прежнему исходит из антропоцентрической модели, в которой носителем прав и обязанностей выступает человек либо созданная им организация.

Литература

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

2. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46-62.

3. Бегишев И.Р. Проблема определения правосубъектности роботов // Ex jure. 2021. № 3. С. 7-16.

4. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48.

5. Павлов В.И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности // Право.by. 2023. № 6 (86). С. 74-84.

6. Новая правовая архитектура регулирования ИИ в Европе и ее значение для России // Ассоциация юристов России: официальный сайт. URL: <https://alrf.ru/articles/novaya-pravovaya-arkhitektura-regulirovaniya-ii-v-evrope-i-eye-znachenie-dlya-rossii/> (дата обращения: 10.03.2026).

7. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051, включает текст Хартии робототехники // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта: сайт. URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 10.03.2026).

Literature

1. On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 (as

amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5017.

2. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in the Context of Law: On the Development of Russia's First Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAN. 2017. No. 6 (55). Pp. 46-62.

3. Begishev I.R. The Problem of Determining the Legal Personality of Robots // Ex jure. 2021. No. 3. Pp. 7-16.

4. Gadzhiev G.A., Voinikani E.A. Can a Robot Be a Subject of Law (Search for Legal Norms for the Regulation of the Digital Economy)? // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. Pp. 24-48.

5. Pavlov V.I. Legal Personality of Robots as Electronic Persons and Possible Models of Their Legal Responsibility // Pravo.by. 2023. No. 6 (86). Pp. 74-84.

6. The New Legal Architecture of AI Regulation in Europe and Its Significance for Russia // Russian Lawyers Association: Official Website. URL: <https://alrf.ru/articles/novaya-pravovaya-arkhitektura-regulirovaniya-ii-v-evrope-i-eye-znachenie-dlya-rossii/> (date of access: 03/10/2026).

7. Resolution of the European Parliament of February 16, 2017 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051, includes the text of the Charter of Robotics // Research Center for Problems of Regulation of Robotics and Artificial Intelligence: website. URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (accessed on 10.03.2026).